

В. Г. Белинский

**Литературные и
журнальные заметки**

Виссарион Белинский
**Литературные и
журнальные заметки**

«Public Domain»

1845

Белинский В. Г.

Литературные и журнальные заметки / В. Г. Белинский — «Public Domain», 1845

«Успех «Отечественных записок», ставших теперь довольно высоко в мнении публики, естественно, не мог не возбудить к ним нерасположения со стороны всех изданий, которым хотелось бы добиться успеха. Мы не будем повторять ни того, какая ожесточенная неприязнь встретила, назад тому около семи лет, только одну программу «Отечественных записок», ни того, каким оружием в первые годы существования нашего издания действовали против него старые и новые журналы, не без причины его испугавшиеся, – все это известно публике. Теперь обстоятельства переменились, но вражда к «Отечественным запискам» не кончилась: она только изменила образ своих нападений, сообразно с обстоятельствами...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	7
Комментарии	

Виссарион Григорьевич Белинский Литературные и журнальные заметки

Успех «Отечественных записок», ставших теперь довольно высоко в мнении публики, естественно, не мог не возбудить к ним нерасположения со стороны всех изданий, которым хотелось бы добиться успеха. Мы не будем повторять ни того, какая ожесточенная неприязнь встретила, назад тому около семи лет, только одну программу «Отечественных записок», ни того, каким оружием в первые годы существования нашего издания действовали против него старые и новые журналы, не без причины его испугавшиеся, – все это известно публике. Теперь обстоятельства переменялись, но вражда к «Отечественным запискам» не кончилась: она только изменила образ своих нападений, сообразно с обстоятельствами. Зная, что «Отечественные записки» не любят полемики и снисходят до объяснений не всегда и не со всяким, наши противники уже не прибегают к суждениям для унижения «Отечественных записок», но, как будто по взаимному и безмолвно выраженному согласию, позволяют себе или приписывать «Отечественным запискам» то, чего они никогда и не думали, или давать их словам и намерениям такой смысл, какого они никогда не имели. Между множеством примеров подобных проделок указываем на две выходки двух изданий, во всех отношениях различных, но в отношении к «Отечественным запискам» соединенных нежною симпатиею: мы говорим о «Северной пчеле» и «Москвитянине».

В № 88 «Северной пчелы» нынешнего года, в фельетоне, сказано, между прочим, будто бы «Отечественные записки», вместе с «Репертуаром» и его «Театральной летописью»^[1], выходят из границ в своих нападках на г. Каратыгина (первого трагического актера на Александрийском театре). Эти нападки «Отечественных записок» не что иное, как чистое изобретение «Северной пчелы»: в «Отечественных записках» разбираются только пьесы, играемые на Александринском театре, но не игра актеров. Если же нам и случалось изредка упоминать о г. Каратыгине по поводу какой-нибудь пьесы, то не иначе, как для того, чтоб похвалить его игру. На все это мы можем представить печатные доказательства, тогда как «Северная пчела» не может представить ни одного. Еще недавно, по поводу брошюры, заключающей в себе биографию г-жи Каратыгиной, мы сказали, что г. Каратыгин и г-жа Каратыгина не имеют себе соперников на сцене Александрийского театра, что г. Каратыгин несравненно выше всех других трагических актеров этого театра^[22]. Где же наши нападки на знаменитого артиста?.. Но таковы все нападки «Северной пчелы» на «Отечественные записки»... Так, например, она беспрестанно силится уверить своих читателей, будто бы «Отечественные записки» унижают все литературные авторитеты, ничего не хотят видеть в Державине и Жуковском... Подобные выходки со стороны «Северной пчелы» несколько не должны казаться удивительными, если вспомним, что каждый фельетон этой газеты наполнен уверениями, что он, фельетон, за правду готов умереть... Даже в фельетоне того же 88 № «Северной пчелы» мы прочли следующие замечательные строки: «Господа, помните, что «Северная пчела» не обязана хвалить кого бы то ни было, не знает ни дружбы, ни вражды и хвалит, когда хорошо, а когда будет худо, скажет с такою же откровенностью... Несчастный порок «Северной пчелы» – как за перо, все отношения и сношения забыты; да уж исправляться поздно!» Нужно ли по поводу этих строк пускаться в рассуждения, до какой степени заслуживает доверия тот, кто прежде, нежели что-нибудь скажет или расскажет, чувствует необходимость побожиться, что он всегда говорит правду?..

¹ См. «Отечественные записки», 1845, № 3, «Библиографическая хроника», стр. 16^[22].

^[22] См. рецензию на «Биографию Александры Михайловны Каратыгиной» В. В. В. (В. М. Строева) – Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 643–644.

По примеру «Северной пчелы», «Москвитянин», между прочим, взводит на «Отечественные записки» вину неуважения к авторитетам русской литературы... Это обвинение «Москвитянина»... Но начнем с начала.

Всем известно, что с нынешнего, 1845 года «Москвитянин» решился возродиться, – обстоятельство, которое заставило нас не без любопытства ожидать первой книжки этого журнала, в который мы так давно уже не заглядывали^[2]. В феврале появилась в Петербурге январская книжка «Москвитянина». Глядим: все то же, что и было: та же толстая бумага, то же множество опечаток, то же отсутствие орфографии², те же стихи г. Михаила Дмитриева, та же проза г. Иванчина-Писарева, но обертка другая...^[3] Наудачу принялись мы за чтение критической статьи «Обзорение современного состояния литературы», под которой выставлена литера К. (на обертке означено, что это статья г. И. Киреевского). Нет: это не то, что было! Несмотря на ложное основание и произвольные выводы в этой статье, – в ней высказано много дельного, верного, умного о современном состоянии Европы, и высказано с знанием дела, талантом и тем чувством достоинства, которые всегда заинтересовывают читателя в пользу автора и которых мы никогда не встречали в сочинениях наших так называемых *славянофилов*. Хотя мы тут не нашли ничего нового, но – повторяем – не новое было высказано с таким мастерством, какое очень редко встречается в оригинальных статьях русских писателей. Эта статья тем сильнейшее произвела на нас впечатление, что все другие оригинальные статьи в книжке отличались качествами совершенно противоположными. – Наконец, прочли мы во второй книжке «Москвитянина» продолжение этой статьи: те же недостатки и те же достоинства. Дело идет пока все о Европе; о русской литературе еще ни слова. С нетерпением ждали мы третьей книжки, где должна быть третья статья, посвященная уже обзорению современной русской литературы. Нам приятно было думать, что, во-первых, услышим суждение о нас самих от человека совершенно другого образа мыслей, другого убеждения, который умеет защищать то и другое с беспристрастием и достоинством, следовательно, сумеет отдать должную справедливость даже людям, которых убеждения противоположны его собственным и которых убеждения он опровергает. Сверх того, мы надеялись узнать наконец, в чем состоит эта доктрина славянофильства, которая до сих пор все только обещала высказаться, а между тем пряталась за какими-то намеками и бранчивыми фразами, и которой сущность, казалось, состояла только в том, чтоб не признавать ни ума, ни сердца, ни знания, ни таланта у людей, не обольщающихся честью быть славянофилами. Вот наконец, думали мы, явился в этой литературной котерии человек, который если и не разубедит нас в наших убеждениях и не заставит нас принять его убеждения, – все же по крайней мере заставит нас уважать учение, которого он и поборник и представитель, – заставит нас уважать это учение манерою, которою он защищает его, и даже тем самым, что он сам принадлежит ему и душою и телом. Мы веруем в великую истину, что достоинство всякой доктрины больше всего познается по достоинству лиц, которые ей следуют. И вот наконец *мартовская* книжка благополучно достигла берегов Невы в последних числах *апреля*, и мы прочли эту третью статью, ожидаемую нами так долго и с таким нетерпением.

Прочитав ее, мы очень неприятно были поражены... ее больше чем легкостью, ее – извините – пустою. От этого две первые статьи, служащие введением к ней, показались нам похожими на тот великолепный греческий портик, заслоняющий ветхую крестьянскую избу, который изображен на виньете «Тарантаса» графа Соллогуба (стр. 35)^[4]

---

² «Москвитянин» пишет: драмМа, вторЫй, шестЫй, в прилагательных употребляет заглавные буквы, равно как и в существительных *инострaнного* происхождения, как-то П(п)оэзия, Г(г)амма и т. п.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

«Репертуар» — ежемесячный журнал «Репертуар и пантеон. Театральное обозрение, издаваемое В. С. Межевичем и И. П. Песоцким»; «Театральная летопись» — еженедельное приложение к нему.

2.

Речь идет о переходе редакции «Москвитянина» в руки И. В. Киреевского с № 1 за 1845 г. – попытке со стороны славянофилов сделать журнал более последовательным органом их направления, более содержательным и интересным. В трех первых номерах этого года, помимо большого «Обозрения современного состояния литературы», Киреевским велся отдел библиографии и т. д. Однако И. В. Киреевский оказался не в силах вести большую редакторскую работу и противостоять М. П. Погодину как издателю журнала. С апреля 1845 г. Киреевский от редактирования журнала отказался.

3.

Упоминание здесь двух постоянных сотрудников «Москвитянина», оставшихся и при новой редакции, имеет особый смысл. Поэт М. А. Дмитриев и автор заметок биографического и библиографического характера Н. Д. Иванчин-Писарев – эпигоны карамзинского направления. Оба известны как враги «Отечественных записок» и Белинского (Дмитриеву принадлежали несколько стихотворных памфлетов на критика). С № 1 1845 г. «Москвитянин» выходил в обложке с рисунком московского Кремля.

4.

Это характерное сравнение – лишний штрих, указывающий, в кого метил Белинский своей иронической интерпретацией героя повести Ивана Васильевича в статье о «Тарантасе».

22.

См. рецензию на «Биографию Александры Михайловны Каратыгиной» В. В. В. (В. М. Строева) – Белинский, АН СССР, т. VIII, с. 643–644.